

Отзыв о повести Владислава Крапивина «Гуси-гуси, га-га-га» (12+)

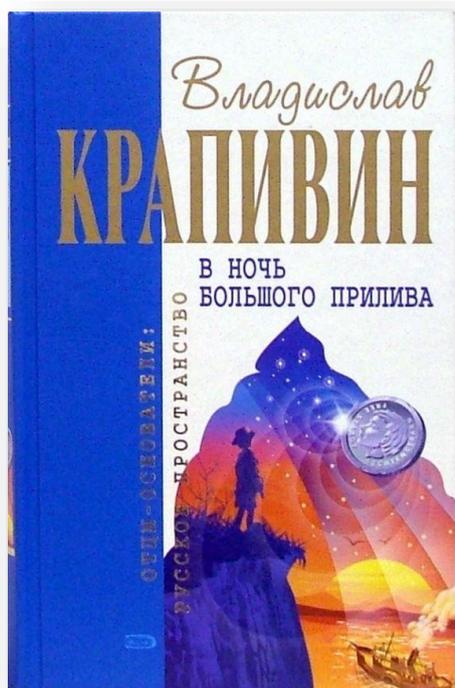
*Рецензии на прочитанные книги
из библиотеки [«Кузнецкая»](#).*

*Автор рецензий: З. Кривоусова,
ноябрь 2021 г.*

Книги **Владислава Крапивина** я люблю с далёких теперь уже 1960 – 70-х, с тех давних пор, когда его произведения часто публиковались в журнале «Пионер». Помню иллюстрации Евгения Медведева к повестям «Оруженосец Кашка», «Бегство рогатых викингов», «Всадники со станции Роса».

Потом на смену Крапивину пришли другие авторы, ведь он считался подростковым писателем. В конце 1980-х, работая над диссертацией о повестях о военном детстве, открыла для себя прекрасные, во многом автобиографические «Тень Каравеллы» и «Алые перья стрел».

А в начале 2000-х я познакомилась ещё с одной стороной творчества этого замечательного писателя, – с фантастикой. Произошло это благодаря студентке Дарье Альхимович, которая предложила мне книги Крапивина из своей домашней библиотеки. Это были циклы повестей «В глубине Великого Кристалла», «Летающие сказки» и другие книги Крапивина, выпущенные издательством «Нижкнига». Особенно впечатлила меня повесть **«Гуси-гуси, га-га-га...»**.

Пятнадцать лет спустя, я решила перечитать

произведения Владислава Крапивина и с удивлением обнаружила, что книги его не устарели, скорее наоборот, войдя в новый литературный и исторический контекст, наполнились дополнительным смыслом. Интересными показались его произведения, написанные в советское время: поставленные в них проблемы, оказывается, не утратили актуальности, но при этом в них проявилось то, что прежде воспринималось в порядке вещей, на что раньше не обращала внимания: подробности быта, детали, взаимоотношения детей, подростков и их старших друзей, чаще всего – мужчин.

Прошли ещё два десятилетия, и я вновь перечитала произведения Крапивина, испытав потрясение от правдивости и злободневности, его текстов. Вот и хочу поделиться своими впечатлениями о повести «**Гуси-гуси, га-га-га...**», повести, на мой взгляд, поучительной и в нынешней ситуации весьма актуальной.

В одном из отзывов об этой повести я почитала примерно следующее: «**Не верьте, что эта книга детская**» (цитирую по памяти), – и совершенно согласна

с этим.

Главный герой повести – Корнелий Глас, читатель видит происходящее его глазами. Корнелий – взрослый, вполне добропорядочный и законопослушный гражданин, живущий в государстве, где у большинства людей нет материальных проблем. Ведь они имеют индексы: «...*О, индексы! Величайшее изобретение, положившее начало эре стабильности!*». Глас – типичный среднестатистический человек, живущий по принципу «у меня всё, как у людей; не хуже других». И именно с ним случается несчастье, с которого начинается повесть, – волею судьбы он попадает в разряд изгоев, «безынд», людей, по разным причинам оставшихся без индекса. Тема человеческой унификации в русской и мировой литературе не нова,

вспоминаются многочисленные антиутопии, среди которых «Мы» Евгения Замятина и «1984» Джорджа Оруэлла. Крапивин, безусловно, был знаком с этими романами, как и с «Когда спящий проснётся» Герберта Уэллса, но – новое время, новая книга. Книга, адресованная читателям среднего и старшего школьного возраста.

Буквально на восьмой странице повести рассказывается о внедрении индексов. Эта тема, по-моему, заслуживает особого внимания, так что позволю себе пространную цитату:

«Сперва были просто браслеты с излучателями. Хочешь – носи, хочешь – сними и спрячь. Потом браслеты стали обязательными. И никто не возражал, кроме небольших групп экстремистов, привычно вопящих о свободе личности<...> [с. 141]. Потом «вместо браслетов была введена всеобщая индексация. Новорождённому вводили в левое запястье раствор стимулятора. Эта чудесная жидкость <...> вступала в контакт с организмом и вызывала постоянное биоизлучение. Причём характеристика излучения у каждого человека была неповторима, как рисунок на коже пальцев.

«Борцы за свободу личности» опять подняли крик, и, уступая им, демократическое правительство объявило, что каждая семья сама вправе решать: делать ребенку индексацию или снабдить его браслетом. Но вскоре об этом решении просто-напросто забыли. Родителей, не согласных с индексацией, было столь ничтожное число, что не стоило их принимать во внимание. А со временем они перевелись вообще.

Да и какой нормальный человек станет спорить с собственным счастьем и счастьем детей. Индекс – это основа жизни. Это сумма изначального обеспечения и государственной страховки, положенная тебе от рождения. Это постоянный медицинский контроль. Это ненужность всяких документов. У каждого носителя индекса есть в Центральном государственном информатории персональный диск, на котором записано об этом человеке абсолютно все: от группы крови и оценок за каждый класс школы до любимого блюда и уровня контактности с окружающими.

Ты поступаешь на службу, и электронный контролер кадров за доли секунды набирает о тебе сумму сведений и сообщает – годишься или нет. И, если не годишься, дает совет, куда с твоими способностями лучше пойти. Если, не дай Бог, ты попадаешь в больницу из-за простуды, автокатастрофы или неумеренного возлияния, врач в мгновение ока узнает всю твою медицинскую подноготную и во всеоружии принимается за бесплатный квалифицированный ремонт. Если заказываешь в баре «У тетушки» фужер «Калейдоскопа» с мятным трюфелем, кассовый автомат сам вычитает из записанной на диске твоей наличности нужную сумму – без всяких пошлых чаевых и возни с бумажками и медяками...

А могучие нейроэлектронные мозги Всеобщего административного Контроля и Управления по наблюдению за лояльностью неусыпно варят свои государственные мысли, чтобы каждый гражданин Западной Федерации мог занять в жизни место, достойное своих знаний, трудолюбия и склонностей. Ибо нет ничего важнее устройства счастливых человеческих судеб...

К нынешнему времени без живых индексов, со старомодными браслетами-излучателями, остались лишь старцы, помнившие эпоху так называемой «Космической революции и всеобщего прогресса» [с. 142].

Эта история введения в повседневный обиход обязательных *индексов*, обеспечивающих *стабильность*, – **ничего не напоминает?**

А дальше – вполне реалистичные мытарства Гласа, встречи с разными людьми, одни из которых видят в нём только изгоя, другие используют человека, стоящего вне закона, в своих целях, третьи понимают его, даже сочувствуют, но не решаются выступить против системы, принимают правила игры. Самой же главной оказывается встреча с детьми-*безындами*, обречёнными на пожизненное заключение, отверженными благополучным обществом. Читать об этом и страшно, и горько, поскольку слишком уж правдиво рассказывает писатель о закрытом мире, не интересующем благопристойных граждан.

Самое же потрясающее в этой повести – это прозрение главного героя. Попав в положение изгоя, Корнелий по-другому видит привычный мир, обнаруживает подмену понятий: вместо прогресса – стабильность, вместо подлинной

индивидуальности – кем-то указанный путь, вместо свободы – тотальный контроль.

Конечно, писатель уравнивает порой доходящий до трагизма драматизм книги фантастическим благополучным финалом, но и от правды жизни не отступает, честно и открыто ставит болезненные вопросы. Именно социальная линия повести, на мой взгляд, привлечёт *взрослых. Подростков и старшеклассников* больше, наверное, захватит фантастическая составляющая произведения. А вообще-то эта книга будет полезна для читателей всех возрастов, потому что автор даёт нам возможность поставить себя на место другого, взглянуть на ситуацию со стороны, что само по себе уже является непростым и достаточно серьёзным поступком.